К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕДАЧИ РЕАЛИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

Ф.К.Хабибуллаева

Мақолада “Ўткан кунлар” романининг рус тилига таржимаси (М.Сафаров) мисолида бадиий таржимада миллий ўзига хосликни қайта яратишда сўз танлашнинг аҳамияти масаласи ёритилган.
***Калит сўзлар**: таржима, реалия, миллий колорит, бадиий анъана*

В статье на примере перевода романа “Минувшие дни” на русский язык (М.Сафаров) освещена роль выбора слов в передаче национального колорита в художественном переводе.
***Ключевые слова**: перевод, реалия, национальный колорит, художественная традиция.*

Based on the example of the Russian translation of the novel ‘O’tkan kunlar’ (M. Safarov) the author tries to analyze the role of choice of words in the expression of national colorfulness.
***Key words**: translation, realia, national colorfulness, literary traditions.*

Неточно подобранное переводчиком слово нередко приводит к искажению смысла, и, особенно часто, к стиранию национального своеобразия оригинала. Второй перевод романа Абдуллы Кадыри «Минувшие дни» на русский язык дает возможность лишний раз убедиться в этом. Справедливости ради надо отметить, что второй перевод осуществлен с целью преодоления недостатков первого, и, что в определенной мере эта цель достигнута. И все же данный перевод еще не совершенен и может считаться только следующим шагом на пути к адекватному переводу первенца узбекской романистики. Мы же в рамках этой статьи ограничимся вопросами выбора слов, играющих важную роль в достижении адекватности перевода.

Полушуточные слова служанки Тойбеки о достойном Кумюш женихе – “молодом госте” вызывают раздражение у последней, которая с насмешкой предлагает ей самой выйти за него, на что служанка отвечает пословицей: “Тенг тенги билан, тезак қопи билан”. Данная пословица передана М.Сафаровым дословно: “Ровня к ровне, а кизяку место в мешке”. Казалось бы, здесь налицо удачный перевод: смысл передан точно, да и звучание достойно пословицы. С другой стороны, если учесть, что пословица имеет тесно связанную с бытом узбекского народа национальную окраску, придется еще раз признать удачность перевода. Однако, в постраничном комментарии к слову “кизяк” дается пояснение – “навоз” [5.36], что сводит на нет эту удачу. Дело в том, что слово “кизяк” обозначает высушенный в форме кирпичей (или ядра) навоз, употребляемый как топливо [8.276], т.е. здесь речь идет не о собственно навозе, а об изделии из него, которое употребляется в качестве топлива и нередко складывается в мешках. В результате же неверного пояснения русскоязычный читатель будет удивлен, не сумев совместить “навоз” с “мешком”, ибо не может не понимать, что хранение навоза в мешке – нечто из ряда вон выходящее.

Иногда даже адекватный с точки зрения оригинала и исторических реалий перевод может вызвать непонимание. Так, описывая состояние Атабека, узнавшего о смуте, не сулящей ничего хорошего его народу, автор пишет: “бундай ўзбошимчалик орқасидан ўзининг очиқ кўзи, ўткир

зеҳни орқалиқ мудҳиш, фалокатлик манзаралар кўрар, миллатини – халқини – мусулмонини қўрқунч жар, тегсиз жаҳаннам ёқасида, йиқилиш олдида топар эди…" Здесь следует обратить внимание на однородные дополнения: "миллатини – халқини – мусулмонини". Несомненно, тире между этими словами использовано преднамеренно: с целью подчеркнуть, что они равнозначны не только с точки зрения выполняемой синтаксической функции, но и по смыслу, ибо в противном случае можно было бы довольствоваться привычными запятыми. М.Сафаров учел это и перевел данный отрывок следующим образом: «…всем сердцем чувствовал, что его народ, его нация – мусульмане стоят на краю зияющей и устрашающей бездонной пропасти…» [5.38]. Как видим, в переводе структура однородных дополнений сохранена: "его народ, его нация – мусульмане". Современный читатель (причем, не только русскоязычный, но и большинство читателей узбеков) может удивится тому, что здесь как бы стираются различия между понятиями «народ», «нация» и «мусульмане». Однако, для первичного адресата – читателя-узбека двадцатых годов прошлого века, здесь нет ничего удивительного. Потому как в узбекском языке слово «миллат» («нация») в современном значении активизировалось лишь начиная примерно с десятых годов. А до этого под указанным словом понималась вся "нация пророка Ибрагима", т.е. все потомки Авраама, или же чуть уже – "мусулмон миллати", т.е. все мусульмане. Из чего становится ясным, что подчеркивание синтаксической и смысловой равнозначности однородных дополнений служит передаче ментальности узбеков середины XIX столетия. Однако, несмотря на адекватность перевода, этот нюанс, к сожалению, остается скрытым от русскоязычного читателя. На наш взгляд, это объясняется отсутствием надлежащего комментария, который помог бы читателю понять истинную суть сказанного о герое, его тревожные думы о судьбе своего народа. Как видим, тут наблюдается противоположный первому примеру случай: если в предыдущем примере пояснение к слову оказалось лишним, то здесь наблюдается его нехватка. Это говорит о том, что переводчик должен тонко чувствовать «где и как» надо снабжать текст комментариями.

В переводческой практике, как известно, исторические реалии оригинала довольно часто передаются их эквивалентами из языка перевода. Конечно, в этом есть свои плюсы, в первую очередь, возможность придать сообщаемому историческую окраску. Однако, тут необходимо знать все тонкости как реалии оригинала, так и языка перевода, без чего может возникнуть неверная передача смысла. Обратимся к роману. Так, Мусульманкул видит в Атабеке прежде всего врага ханства, которого заслали в Маргилан сепаратисты во главе с Азизбеком. Поэтому, когда Атабека привели на допрос, между ними происходит следующий диалог:

- Послушайте-ка, молодой бек,- сказал он. Атабек повернул к нему лицо, а он, продолжая улыбаться, с издевкой спросил:

- Кто вы такой?

- Я Атабек.

- Мало ли на свете Атабеков… Чей вы?

- Атабек, сын Юсуфбека-хаджи.

- Ага! Так и говорите. Значит, вы – сын ташкентского Юсуфбека-хаджи, многоуважаемого приказчика Азизбека? [5.135].

Отношение Мусульманкула к Юсуфбеку-хаджи крайне отрицательно, потому что последний видится ему одним из главных зачинщиков Ташкентского бунта. Поэтому, когда речь заходит о нём, в его словах так и искрит язвительная ирония: «Ҳа-а-а, шундоғ денг-чи... Тошкандлик Юсуфбек ҳожиким, Азизбегимизнинг гумаштаси бўлған зоти шарифнинг ўғиллари?» В узбекском языке, согласно толковому словарю узбекского языка, слово «гумашта» используется в двух значениях, и именно эти два значения даны в узбекско-русском словаре: 1) *доверенное лицо, агент, приказчик купца* и 2) пер. *ставленник.* Видимо, переводчика подвело то, что он машинально следовал словарному значению и не учел уничижительный, неодобрительный тон Мусульманкула, который словом «гумашта» характеризирует, вернее, обнаруживает то, каким он знает, представляет себе Юсуфбека-хаджи. Поэтому, мы считаем, здесь уместно было бы использовать слово «приспешник», значение которого полностью соответствует описанной выше речевой ситуации и цели говорящего. В этом случае, если бы было выбрано данное слово, то эпитет «многоуважаемый», которого нет в оригинале, отпал бы сам по себе, ввиду несоответствия контексту. С другой стороны, слово «приказчик», означая конкретную должность, входит в полное противоречие с тем, что раньше сообщалось о Юсуфбеке-хаджи: «советник правителя Ташкента» [5.15]. Как видим, несмотря на то, что было выбрано слово, во-первых, совпадающее по своему словарному значению (приказчик - гумашта), во-вторых, с исторической окраской, игнорирование переводчиком речевой ситуации и цели высказывания привело к неадекватному переводу.

Похожая на вышеописанную неточность допущена при переводе слова “пул” в следующем предложении: “Ўзингиз ип йигириб, кун кўриб турган бўлсангиз, сизга уч **танга** эмас, уч **пул** бериш ҳам оғир экан...” – «Если вы живете только тем, что прядете нитки, вам трудно будет уплатить не то что три **таньги**, но даже три **полушки**…» [5.215-216]. Здесь переводчик также исходит из совпадения словарных значений: узбекское слово “пул” и русское слово “полушка” означают самую мелкую денежную единицу [9.276]. Однако, если учесть, что слово “полушка” означает царскую медную монету достоинством в четверть копейки, а в романе изображены события времен Кокандского ханства, то использование его вместо “пул” (денежная единица, равная 0,5 копейке) противоречит, на наш взгляд, исторической правде.

Национальная ментальность отражается и в системе традиционных образов, средств художественной изобразительности, в частности и особенно, в сравнениях и метафорах. Объект сравнения всегда связан с образом жизни, особенностями мировосприятия, религиозными представлениями и т.п. Следовательно, для того, чтобы точно воссоздать национальный колорит и избежать различного рода несуразностей, необходимо опираться на художественную традицию оригинала. Так, описывая девичник в день свадьбы Кумюш, автор сравнивает подружек невестки – наряженных и разукрашенных по случаю свадьбы красавиц с цветами, красочными и певчими птицами (“*гуллар, лолалар, тўтилар, қумрилар мажлиси!*”), с мифическими пери и ангелами (“*мажлис аъзолари шунақанғи бир-биравидан ўтоқ малаклар, парилар эдилар*”), что полностью соответствует национальной художественной традиции. В отличие от этого, в русской художественной традиции не принято сравнивать красавиц с горлицей, а тем более, с попугаем. Этим и объясняется, на наш взгляд, полное отсутствие в первом переводе названий этих птиц как объектов сравнения [4.42-43]. Во втором же переводе, исключив попугая, М.Сафаров выбирает как бы срединный путь: «Ох, что за девичник – здесь и цветы, здесь и горлицы!» В узбекском национальном сознании «горлица» (“қумри”), птица из семейства голубиных, является символом “кротости”, “беззащитной нежности”, “душевного пения”, и именно эти черты служат в оригинале основой сравнения её с молодыми особами. То есть, мы считаем, что в переводе необходимо было указать на это, пусть даже за счет декомпрессии текста [7.154], что служило бы верному восприятию образного сравнения русскоязычным читателем. Однако, в случае с попугаем даже этот прием бессилен, потому как эта экзотическая птица ассоциируется у русскоязычного читателя скорее с “подражанием”, чем с “разноцветностью”, разукрашенностью” и “нарядностью”, ставшими основой сравнения в оригинале.

В рассматриваемом же эпизоде следует акцентировать внимание еще на одном важном моменте, ибо здесь недопустимая вольность переводчика приводит к полному противоречию с национальным менталитетом. Вездесущий автор-повествователь, описывая восторг от окружающей его обстановки, пишет: “О, если бы вам удалось проникнуть сегодня в этот дом и взглянуть хоть раз на участниц этого тоя, заранее можно сказать, голову вы уж точно бы потеряли от восторга! Глаза разбежались бы у вас.

– Этот цветок милее всех? Нет – та! Да нет же – вон та! А прекраснее всех вот эта... Одним словом, не придя к одному решению, пытаясь выбрать самую прелестную *богиню*, вы сойдете с ума, да так опростоволоситесь, что народ вас поднимет на смех”. Да, в оригинале писатель не скрывает, наоборот, передает в завышенных тонах свой восторг от описываемого. Следует сказать, что с этой точки зрения М.Сафаров стремится остаться верным духу оригинала, но, к сожалению, как бы забывает об адекватности с точки зрения передачи национального колорита. Здесь совсем неуместно слово *богиня*, которое должно было служить, по мысли переводчика, передаче высшей степени восторга. Однако, будучи истинным мусульманином, писатель никак не мог назвать красавицу богиней, так как это противоречит основе веры: «Нет бога кроме Аллаха!», и потому в исламе подобное сравнение считается величайшим грехом. Как видим, обычное для людей, чьи эстетические взгляды формировались под влиянием античной литературы, недопустимо по отношению к писателю, мировоззрение которого основывается на традициях ислама.

Анализ второго перевода романа А.Кадыри “Минувшие дни” с точки зрения поставленной проблемы показывает, что для достижения адекватности передачи национального своеобразия оригинала необходим тщательный выбор слов. Это особенно актуально по отношению к реалиям, отражающим в себе особенности быта, мировоззрения, веры, исторического времени и т.д. Недочеты в этом важном деле неизбежно приводят к историческим, этнографическим, логическим и прочим ошибкам.

Литература:

1. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. – 343 с.
2. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1968. – с.175-202.
3. Қодирий А. Ўткан кунлар. – Т.: Шарқ. – 2014. – 400 б.
4. Кадыри А. Минувшие дни. – Т.: Изд-во лит. и искусства, 1984. – 336 с.
5. Кадыри А. Минувшие дни. – Т.: Шарк. – 2009. – 432 с.
6. Рыльский М. Искусство перевода.- М.: Советский писатель, 1986. – 336с.
7. Словарь иностранных слов.- М.: Русский язык, 1989. – 621 с.
8. Словарь русского языка. Т.2.- М.: Русский язык, 1983. – 736 с.
9. Словарь русского языка. Т.3.- М.: Русский язык, 1983. – 750 с.
10. Узбекско-русский словарь.- М., 1959.- 839 с.

Андижон давлат университети,
2017 йил 9 январда қабул қилинган
(Тақризчи: проф. К.Жўраев)